АРТЕМ ЯНКОВСКИЙ

ЛОЖНЫЙ АЛАРМ

Артем Янковский

Ложный аларм

«Автор»
2025

Янковский А.

Ложный аларм / А. Янковский — «Автор», 2025

После аномального взлома систем безопасности Ричард, инженер крупнейшего банка, начинает расследование. Следы ведут к хакеру с псевдонимом DwarF — слишком дерзкому, слишком умному… и пугающе знакомому. Чем глубже он копает, тем сильнее стирается грань между охотником и целью.Где проходит граница между паранойей и правдой — и кто на самом деле у руля?

© Янковский А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Ложная тревога 5
Глава 2. Прокрутка 9
Глава 3. Новый друг 13
Глава 4. Где тонко 15
Глава 5. Сброс напряжения 17
Глава 6. Блуждающее псевдособытие 20
Глава 7. Ты всегда разный 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Артем Янковский
Ложный аларм

После аномального взлома систем безопасности Ричард, инженер крупнейшего банка, начинает расследование. Следы ведут к хакеру с псевдонимом DwarF – слишком дерзкому, слишком умному… и пугающе знакомому. Чем глубже он копает, тем сильнее стирается грань между охотником и целью.

Где проходит граница между паранойей и правдой – и кто на самом деле у руля?

Глава 1. Ложная тревога

Осень 2024 года.

Нью-Йорк дышал в ритме мегаполиса: снаружи бушевала осень, тонкий дождь сбегал по стеклу фасада, будто торопясь вниз, к лужам и неоновым отражениям. Где-то там – пробки, сирены, кофе навынос, чужие разговоры. Здесь же, в сердце информационного щита банка CityGroup, царила тишина, нарушаемая лишь шелестом клавиш и редким гудением серверных стоек за стеклянной перегородкой.

SOC-центр находился на двадцать втором этаже – помещении без окон, со звукоизоляцией и мягким, рассеянным светом. Воздух пах пластиком, кофе и чем-то едва уловимым, вроде озона от старых систем бесперебойного питания. На стене – панель с глобальной картой активности: зелёные точки, синие зоны, отдельные красные маркеры, как раздражения на коже. У каждого специалиста – по два, иногда три монитора, клавиатуры со стёртыми буквами, пластиковые карточки доступа, липкие заметки, брелоки, наушники. Рабочие места были отражением самих сотрудников.

У Джейсона, парня лет на шесть моложе Ричарда, стол выглядел как зона высадки хаоса: провода, термос, обёртка от энергетика, несколько разложенных бумажек со схемами Bash-автоматизации. Растрёпанные волосы, тёмная толстовка, с которой постоянно сползал капюшон. Его ноутбук был открыт, а в терминале – мигающий курсор рядом с незавершённой строкой *for host in…*. Он сидел с ногами на перекладине кресла, задумчиво глядя в монитор и почёсывая затылок. Периодически поглядывал на Ричарда – не враждебно, а с интересом, почти ученическим.

Анна – примерно одного возраста с Ричардом, противоположность. Её стол был стерилен: всё выровнено, систематизировано, блокнот с датой сегодняшнего дежурства, стакан с минеральной водой. На мониторах – в меру вкладок, в меру графиков. Она щёлкала мышкой с точностью хирурга и казалась той, кто может вызвать тревогу в любой системе лишь взглядом. Серьга в левом ухе блестела в свете потолочных ламп, а тёмный костюм подчёркивал строгость без занудства.

И был Ричард – тридцатилетний SOC-инженер, замкнутый и точный, словно синхронизированный с теми же циклами, что и серверы под его защитой.

Тот, кто приходил раньше всех. Садился за свой стол в углу, ближе к холодной стене. Носил поношенную толстовку с логотипом старой CTF-команды и джинсы, протёртые на коленях. Его монитор был завален метриками, логами, внутренними панелями, alert-таблицами. Всё выстроено вручную – ни одной лишней детали, никаких графических свистелок. Он пил кофе: чёрный, без сахара, из серого керамического стакана с отколотым краем.

Анна бросила на него взгляд:

– Ты опять не пришёл на вечеринку. Была пицца. И пиво. И даже торт с фаерволом сверху. – Её голос был сухим, но в нём чувствовался тёплый сарказм.

Ричард поднял брови, оторвался от графика событий и пожал плечами:

– Я… как-то… не люблю толпу.

– Толпа тебя не любит – это другое, – не унималась Анна. – Ты бы хоть для приличия зашёл. Там Джейсон рассказывал, как ты месяц назад поймал утечку в инфраструктуре отчётности.

– Это не я… это просто в логах было странное поведение сессий… – пробормотал он, чувствуя, как где-то внутри сжимается что-то тёплое и тяжёлое, похожее на стыд.

– И ты был единственный, кто это заметил. – Вмешался Джейсон, оживлённо. – Я даже реплей потом смотрел. Как ты вычислил SSH-сессию через нестандартный порт и восстановил сессию PAM из auditd – это было офигенно.

Ричард смутился. Отвёл взгляд. Сжал пальцы на стакане чуть сильнее, чем надо. Голос стал тише:

– Я просто делал свою работу.

– Да ты не просто, ты как машина. – Джейсон повернулся на стуле. – Я бы так хотел уметь видеть сигналы в потоке. У меня всё пока через grep и наудачу.

– Все мы через это проходили, – отрезала Анна. – Просто у кого-то чуть лучше глазомер. Или интуиция. Или обсессивно-компульсивное расстройство, не правда ли, Ричард?

Он улыбнулся неловко. Пожал плечами. Но внутри зашевелилось знакомое чувство: смесь стыда и укола. То, что другие считали талантом – он называл навязчивой потребностью всё держать под контролем. Пусть это просто Даже если это стоит сна.

Над головой негромко щёлкнул динамик, и раздался ровный голос дежурного алгоритма:

«Alert. Unauthorized access. PCI-DSS segment. Investigate immediately.»

Мониторы замерцали, на стене – красная метка. SOC-центр будто втянул воздух.

Ричард уже подался вперёд, пальцы легли на клавиатуру.

– Я разберусь. – Голос был твёрже обычного. Глубже.

Экран окрасился в тревожный оттенок янтаря. Система вывела детали: попытка доступа к защищённому сегменту PCI-DSS из пользовательской зоны. Время события: три минуты назад. IP-адрес внутренний. Учётная запись – привилегированная. Команда – *sudo su* в нестандартный момент, вне графика задач.

Ричард пробежался глазами по панели: тревога не всплыла бы без сигнатуры в SIEM, значит, сработал поведенческий шаблон. Не банальная ошибка, не ложный флаг. Что-то выбивалось из общего паттерна. Он уже прокручивал в голове возможные векторы: инсайдер? Подмена сессии? Ошибка конфигурации PAM? Нарушение политики учётных данных?

Курсор замер над сессией, запущенной с IP *10.37.118.44*. Пользователь . На экране – пустое окно терминала с логами. Он запустил воспроизведение PAM-сессии, привязанной к идентификатору события. Строки побежали по экрану.

session opened for user root by (uid=1047)
command: su -
tty: pts/2
rhost=172.16.41.2
cwd=/opt/tools

Хэши бинарников совпадали. md5sum от *su*, *bash*, – без изменений. Структура доступа через sudo соответствовала. Никаких вызовов вне политики. Ни попытки эскалации, ни нетипичного поведения. Но чувство беспокойства не исчезало – наоборот, нарастало.

Он переключился на уровень сетевого стека. В NetFlow – обычный трафик, SSH-соединение шло по стандартному порту, зашифровано. Логины совпадали. Он открыл журнал аудита – и тут, на полпути между строками, началась боль.

Сначала – как будто усталость. Тяжесть в лобной части. Затем – давление. Острые тени по краям зрения. Мониторы будто стали чуть дальше, как сквозь стекло с искажением.

Он попытался сфокусироваться, но буквы на экране начали смещаться. Строка сессии раздваивалась. Он моргнул – и экран мигнул в ответ.

sock = socket(AF_INET, SOCK_STREAM, 0);
connect(sock, &addr, sizeof(addr));
exec("/bin/sh");

Код промелькнул на экране – или в его голове? Он знал эти строки. Не из журнала. Из чего-то иного. Он не мог вспомнить, откуда, но они казались… *знакомыми*. Почерк был чужим, но смысл – до боли родным.

Ричард отпрянул, потёр виски, стиснул зубы. Пульсация прошла по затылку. Пальцы дрожали. В ушах звенело. Экран снова был обычным. Просто PAM-логи. Просто текст.

Анна посмотрела на него прищурившись:

– Код под глазами пляшет, Ричард?

Он не сразу ответил. Слишком много звуков. Света. Дыхание сбилось.

– Что там у тебя? – спросил Джейсон, привстав.

– Пока ничего… – с трудом выговорил он. – Просто… сейчас…

Он замолк. Нажал клавишу для отметки сессии. Оставил комментарий. Глубоко вдохнул. Взгляд метнулся к панели. Время реакции – уже вышло за норматив.

– Анна… подключись. У меня с головой не очень.

Она кивнула. Уже без подколок.

– Джейсон, ты тоже. Посмотрим вместе. Возможно, ложная тревога. Но надо убедиться.

Ричард откинулся в кресле. Свет казался слишком ярким. Звук вентиляции – слишком громким. Всё было в порядке, говорили экраны. Но внутри что-то сбилось. Как хэш, что вдруг не совпал, хотя файл не менялся.

Анна быстро заняла соседнее место, плавно опустилась в кресло и подключилась к терминалу, не говоря ни слова. Джейсон устроился чуть в стороне, не мешая, но наблюдая с вниманием. Их экраны засветились – один в серо-синей палитре, другой с личной тёмной темой, в которой зелёные строки логов казались резче.

– Смотрю PAM и sudo, – отозвалась Анна, сухо.

– Я возьму NetFlow и arp-таблицы, – подхватил Джейсон.

Ричард молча наблюдал. Он уже чувствовал себя лишним. Его пальцы всё ещё дрожали, как будто остаточное напряжение от той вспышки кода всё ещё держало его изнутри. Но он не мешал – просто следил за тем, как они работают.

– Сессия от пришла с рабочей станции *WKS-412* из общего отдела. IP совпадает. TTY совпадает. PAM-чек-лист – чистый, – прокомментировала Анна. Она не отвлекалась, говорила быстро, точно, безэмоционально.

– На arp-снимке всё в порядке. Адрес не дублируется. Переброса не вижу. DNS-резолв совпадает, – добавил Джейсон.

Анна нажала клавишу вызова. В линии появился гудок.

– Говорит SOC. Мы зафиксировали активность с вашей машины *WKS-412* около десяти минут назад. Вы выполняли sudo-подключение к зоне PCI?

– Да, это я запускал. Был внеплановый апдейт скриптов, ошибка в расписании. Забыл сообщить, простите, – отозвался спокойный, немного усталый мужской голос на том конце.

Анна отключилась, повернулась к команде:

– Подтвердил. Легитимная активность. Просто не уведомил. Человеческий фактор.

Она бросила взгляд на Ричарда. В её голосе не было иронии:

– Ложный аларм.

Ричард кивнул. Всё действительно сходилось. Всё было в норме. Кроме одного – того, что он увидел. Или думал, что увидел. Того, чего не было.

Молча отметил событие как «ложную тревогу» в панели и закрыл вкладку. Голова всё ещё пульсировала, но слабее. Реальность понемногу возвращалась, вытесняя ту странную вспышку.

– Спасибо, – выдавил он, тихо, почти не глядя. Он не знал, за что именно благодарит – за помощь, за молчание, или за то, что никто не задал лишних вопросов.

Анна лишь кивнула. Джейсон чуть улыбнулся.

– Ты нас ещё и напугал. Сначала думал, ты упал в транс.

– Почти, – сухо отозвался Ричард и встал. – Я… отойду на минуту. Нужно умыться.

Он шагнул прочь из круга света мониторов – туда, где тусклое освещение коридора становилось мягче, звук вентиляции глуше, и воздух казался прохладнее. Где-то за дверями продолжало жить здание – равнодушное, многоэтажное, полное чужих дел и голосов.

Глава 2. Прокрутка

Июнь 2025 года.

Квартира находилась в жилом доме на Девятой авеню, ближе к углу 66-й улицы, где Вест-Сайд начинал терять свою аккуратную буржуазность и становился просто Нью-Йорком – шумным, перемешанным, равнодушным. С семнадцатого этажа открывался частичный вид на Центральный парк: узкая зелёная лента просвечивала между бетонными громадами, как воспоминание о природе в городе, который давно выбрал стекло и металл.

Свет в комнату проникал сквозь щели в плотных, давно не стиранных шторах – мутный, тусклый, с лёгкой желтизной, будто день ещё не проснулся до конца. Он не разрезал пространство, а затекал в него, оседая на пыльных поверхностях и застывших тенях. Обои – выцветшие, с пузырями у потолка и старыми полосами от мебели, переставленной много лет назад. На одной стене – ржавое пятно, где когда-то висел кондиционер.

Пол – тёмный ламинат, местами вздутый. Кресло оставило на нём глубокую царапину, и сейчас в эту расщелину втиснулся треснувший осколок CD-диска – мутный, с облупленным краем, покрытый пылью, как артефакт из жизни, которую он больше не проживает. У изножья кровати валялась стопка футболок, простыня сбилась в узел, матрас прогнулся у краёв, а пододеяльник был в катышках и пятнах от кофе. Кровать казалась пережившей больше, чем сам хозяин.

Монитор на столе у дальней стены – старый, с потёртым корпусом и облезшей рамкой, – мигал синим, как аварийный маячок. Стол из ИКЕА, собранный когда-то в спешке, шатался: одна ножка была подпёрта сложенной салфеткой. Поверхность липла к коже в одном месте – там когда-то пролили энергетик. Здесь же валялись упаковки от лапши, застывшие вилки, чек из супермаркета, застрявший между корпусом и клавиатурой. Запах – стойкий, но не резкий: смесь картона, несвежего воздуха и плесневелого кофе из кружки с трещиной.

Под столом – пара бутылок из-под пива, одна откатилась под старый рюкзак. Рядом лежал заелозенный коврик для мышки, края которого начали крошиться. На стене – след от когда-то сорванного постера. Все предметы говорили одно: хозяин здесь есть, но вряд ли живёт.

Кухонная зона отделена лишь формально – грязная стеклянная перегородка и серый напольный линолеум с разводами. Холодильник, покрытый старыми магнитами и облупившейся наклейкой NYU – напоминанием о тех временах, когда он учился на факультете кибербезопасности и ещё верил, что система – это нечто, что можно защитить, – гудел прерывисто, словно в обиде. На столешнице – потёки молока, нож со следами чего-то оранжевого, две кастрюли, в одной из которых, вероятно, был чили. Теперь – плесень и забвение.

Ричард спал. Он лежал на боку, спиной к свету, волосы растрёпаны, губы полуоткрыты. Его лицо в этом состоянии – детское, почти безмятежное, как будто тело ещё помнило, что такое отдых. Телефон внезапно завибрировал, затем раздался резкий сигнал будильника. Он подскочил, грохнул рукой по тумбочке, нашёл устройство, отключил звук.

– Отпуск… – бормочет он, зарывшись лицом в подушку. – Первый день…

Он замирает, осознавая: сам же и забыл отключить будильник. Эта мысль вызывает внезапную волну раздражения. Будто всё в порядке вещей – и даже собственный мозг не верит, что он вправе просто ничего не делать. Он морщится и снова смотрит в потолок. Воздух будто сгустился от бессмысленности всего происходящего.

Минут через десять он заставляет себя подняться – тело противится, будто само решило продолжать спать. Каждое движение даётся с натугой, как если бы он тянул вверх не только себя, но и гравитацию прожитых лет. Мысли рассыпаются, не успев оформиться – разум всё ещё где-то в подвешенном состоянии между сном и бессилием. Он идёт в ванную, не включая свет, словно не хочет видеть себя в зеркале раньше времени. Холодная вода в лицо, зубная

паста без крышки. Он бреется небрежно, порезав подбородок. Зеркало тусклое, с каплями старого известкового налёта. На автомате включает кофемашину – с облупившейся кнопкой «start» и сколом на корпусе. Пока та греется, он роется в ящике в поисках кружки. Не найдя, моет ту, что стояла под монитором, с тёмным налётом на дне.

Кофе. Первый глоток. Он садится в кресло, поворачивается к столу. Мигающий экран гаснет и снова вспыхивает. Ричард морщится – и запускает браузер.

Новостная лента, автоматическая прокрутка. Одни и те же заголовки: выборы, климат, слияние компаний. И вдруг – короткая заметка: «Daily News взломан: на главной странице появился гном; злоумышленники сопроводили его издевательским посланием».

На экране – анимированная гифка. Мультяшный гном в зелёном колпаке, раскачиваясь на табурете, делает непристойный жест в сторону камеры и исчезает в клубке дыма. Внизу надпись белыми буквами: *Owned by DwarF*.

Голова начинает ныть. Тупая, тянущая боль, как от недосыпа – не острая, а вязкая, затекающая в затылок. Он щурится, тянется к клавише на корпусе и гасит экран. Медленно поднимается. С кружкой кофе идёт к балконной двери, отпирает замок, выходит наружу.

Балкон открытый – бетонный парапет в пятнах, с металлической трубой, шершавой от ржавчины. На полу – растрескавшаяся плитка, в щелях которой лежит выцветший пластиковый жетон от автомата, полурастворённый временем. Ветер цепляется за майку. Город шумит снизу – автобусы, гудки, обрывки чужих разговоров. Где-то вдалеке кричит чайка.

Слева – полоска Центрального парка. Зелень в дымке, туман ещё не до конца рассеялся. В утреннем свете она кажется почти нереальной – как напоминание о другой жизни, в которой он был кем-то другим.

Ричард смотрит вдаль. Его взгляд словно растворяется в зелени.

…а дальше, будто проваливаясь внутрь, он снова там: в том утре, когда всё только начиналось.

***

Конец мая. Утро. Центральный парк пробуждается в мягком свете – неярком, рассеянном, будто отражённом от стеклянных фасадов на другой стороне Манхэттена. Влага после ночного дождя ещё не испарилась, и воздух пахнет землёй, деревом, каплями, застрявшими в кронах. Где-то поблизости перекликаются птицы, слышны одиночные шаги, отголоски далёкого лая и шуршание шин по влажному асфальту.

Ричард бежит. Он дышит глубоко, чуть громко – не от усталости, от желания почувствовать, что он здесь. Его футболка NYU тёмная от пота, но ему всё равно. Колено отдаёт при каждом шаге, кроссовки изношены, шнурки разлохмачены, как и мысли. Он бежит не ради формы – ради тишины.

Точка старта – терраса Бетесда. Каменные колонны, ещё тёплые после ночи, отражения в воде фонтана, запах влажной листвы и хлебных булочек из ближайшей кофейни. Он держится вдоль озера, по гравийной дорожке, где утренние бегуны разминаются, собаки тащат хозяев вперёд, а туристы сонно щёлкают затворами камер.

И вдруг – она.

Ричард замечает девушку не сразу: рыжие волосы в тугом хвосте, майка, открывающая лопатки, чёткий ритм шага. Она не танцует на асфальте, не выпячивает технику – просто бежит, будто не думая. Идеально ровно. Ричард ускоряется и выходит с ней на один уровень.

– Утро как надо, – выдыхает он, чуть опережая себя и бросая быстрый взгляд вбок.

Она оборачивается на долю секунды, сдержанно улыбается. Улыбка – почти как команда «поняла».

– Погода держится. Пока, – отвечает. Голос немного хриплый, будто ещё не прогрет.

– Часто здесь бегаешь? – спрашивает он, стараясь говорить ровно, не сбиться с ритма.

– Только начала. Месяц, может. – Она делает короткую паузу. – Недавно переехала. Всё ещё привыкаю. Город не даёт поблажек.

– NYU?

– Да. Юрфак. Милана.

– Кибербез. Ричард. Третий курс.

– Ну, я пока только на первом. Ещё учусь не теряться.

Они бегут синхронно, будто по общей траектории, которую кто-то заранее проложил между факультетами и утренними привычками.

Параллельный бег. Она держится ровно, как будто заранее рассчитала темп. В движениях – экономия усилий и собранность. Не пытается понравиться, не вцепляется в тему – ведёт себя так, как будто знает, куда идёт и почему. Парень слышит её дыхание, ощущает, как шаги синхронизируются. Разговор цепляется за темы: университет, любимые профессора, смешные ситуации на парах. Она говорит чётко, не позволяя словам растекаться. Уверенная, сдержанная, но не холодная. Интонации точны, как удар по цели. В ней нет фальши. Иногда смеётся – негромко, через нос, будто контролируя даже спонтанность.

На дорожке у Коламбус-Сёркл шумно. Запах – обжигающий аромат свежеобжаренного кофе, перемешанный с тёплым тестом и сахаром – вырывается из приоткрытых окон ларьков. Машины гудят, кто-то громко разговаривает по телефону. Они сворачивают в Le Pain Quotidien – не договариваясь, будто кто-то подсказал обоим одновременно. Над дверью звенит колокольчик, и тепло кофейни накрывает, как плед.

Ричард берёт круассан, Милана – только американо. На маленьком столике между ними – белая салфетка, скрученная в спираль, два стаканчика, сахар в стеклянной банке и след от чужого локтя на деревянной столешнице. Они садятся у окна. За стеклом – прохожие в лёгких куртках, кто-то в худи, мимо проезжает велосипедист, кто-то смеётся, глядя в экран телефона. Внутри – шорох газет, стук фарфоровых чашек, гудение кофемашины.

– Ты всегда так рано встаёшь? – спрашивает она.

– Только в такие утренние окна, когда нет пар, – улыбается он. – Тогда город кажется честнее.

Она усмехается. Смотрит на него внимательно, но не оценивающе.

– Ты странный, – говорит она. – В хорошем смысле. Сдержанный, но не замкнутый.

– Это диагноз?

– Пока – просто наблюдение. – Она прищуривается, как будто ставит мысленную галочку.

Он чувствует, как с него слетает привычная защита. Не нужно быть умным, смешным или полезным. Прятаться за сарказмом – тоже не обязательно. Просто быть собой – и, на удивление, этого достаточно.

– Слушай, – говорит она и резко тянется к стойке, где стоит стакан с салфетками. Быстро отрывает уголок, чуть морщит нос, достаёт из кармана ручку. – Вот мой номер. Напиши, если захочешь пробежаться ещё. Или просто кофе.

Ричард кивает. Их пальцы почти касаются, когда он берёт бумажку. Он складывает её вдумчиво, словно это договор, и убирает в карман.

Они замолкают.

Он запоминает не слова. Не смысл – ощущение. Это не воспоминание, это как сон, в который хочется вернуться. Не к ней даже – к себе рядом с ней. Запоминает, как свет ложится на её плечо. Как она заправляет выбившуюся прядь за ухо. Как она смеётся – негромко, через нос, будто не решаясь вслух. И ещё – как легко дышится рядом с ней.

Когда они выходят, он чувствует: что-то внутри сместилось. Ненавязчиво. Едва заметно. Будто мир чуть повернулся.

Он держит салфетку в руке ещё минуту. Бумага тёплая, как будто запомнила прикосновение её пальцев. Потом – медленно и бережно убирает.

Видение колеблется, как отражение в воде – и медленно расплывается. Ричард моргает. Перед глазами – тот же балкон, тот же приглушённый шум улицы внизу. Он снова здесь.

***

В комнате тихо. Только гудение системного блока и глухие звуки с улицы: тормоза автобуса, ритмичный гудок, кто-то крикнул по имени – и снова тишина. Ричард сидит в кресле, полубоком, с кружкой, в которой давно остыл кофе. На экране – тёмная вкладка браузера, белое поле чата, полоса прокрутки.

Он листает. Форумы. Старые треды про баги в Linux, уязвимости в API, обсуждение патчей. Некоторые ники знакомы – были когда-то. Сейчас всё кажется чужим. Темы ускользают. Ничего не цепляет. Мысли не задерживаются, как вода на стекле.

Следом – YouTube. Ролики на тему хакинга, старые записи DEFCON, подборки провалов пентестов, интервью со Сноуденом. Один, другой, пятый. Потом алгоритмы подсовывают стендап, рекламу VPN, подборку взломов с музыкой. Он не останавливает. Пусть играет.

Ричард смотрит, но не видит. Звук просто есть. Как дождь за стеклом. Бессмысленный, не мешающий, не поддерживающий.

Экран расплывается. Голова гудит от усталости и ваты. Он ловит себя на мысли, что сел три часа назад. Или четыре. В углу монитора – 18:52. День ушёл. Без следа.

Он встаёт. Сначала неуверенно – ноги будто налились свинцом. Потом, почти машинально, открывает мессенджер. Пальцы замирают над клавиатурой. Открыт пустой чат, где когда-то переписывался с Дэвом, которого знал по pHDays. Последнее сообщение – два года назад: строчка кода и эмодзи ракеты. Он смотрит на неё долго. Потом закрывает. Не сейчас.

На автомате надевает куртку. Проверяет карманы. Захлопывает дверь.

Вестибюль. Скрип ручки, шаги по плитке. В лицо – тёплый уличный воздух, остатки дневного асфальта и запах еды из соседнего заведения. Небо уже потемнело, но свет фонарей ещё не режет. Нью-Йорк живёт, как всегда, без привязки к чужим состояниям.

Ричард поднимает руку. Такси останавливается почти сразу.

– Barcade на Вест-Двадцать-четвёртой, ближе к Восьмой авеню.

Он молчит, но внутри повторяет: пиво и аркады – чужая жизнь. Не его. Но сегодня это – лучше, чем остаться один на один с тишиной и собой.

Глава 3. Новый друг

На Вест-24-й улице, ближе к Восьмой авеню, под неоновой вывеской с пиксельным логотипом, располагался Barcade. Заведение пряталось в здании бывшего склада с потемневшей кирпичной кладкой и высокими, почти фабричными окнами. Под светом уличных фонарей стеклянная витрина отбрасывала мягкое сияние внутрь, где уже переливались цвета аркадных автоматов. У входа – меню на чёрной доске с пивными сортами, пара старых игровых постеров и металлическая ручка двери с отполированным блеском от сотен ладоней. Изнутри доносились прерывистый смех, глухие удары по кнопкам и гудение динамиков. Над входом витал слабый запах пиццы, а редкие капли недавнего дождя стекали с водостока. Такси проезжали мимо, отбрасывая жёлтые вспышки света по мокрому асфальту.

Как и следовало ожидать для пятничного вечера, Barcade гудел от голосов, музыки и звуков автоматов. Люди заполняли пространство между неоновыми экранами и стойкой, где выстраивалась очередь за крафтовым пивом. Воздух был густым – с запахами разогретых проводов, старого лака и дешёвого дезодоранта. Где-то в углу надрывался Mortal Kombat, перелистывая бойцов под звуки комментатора.

Ричард сидел один, втиснувшись в угловой столик у стены. К этому часу всё вокруг было уже занято. Полумрак, шум, чужие лица. Пиво горькое, как и положено. Он молчал, глядя в свой бокал, словно пытаясь уговорить себя, что это – нормальный вечер. Что можно просто посидеть, забыться, раствориться.

– Ты выглядишь как человек, который ненавидит игры, – произнёс кто-то рядом.

Ричард поднял глаза. Перед ним стоял мужчина лет тридцати с небольшим, высокий, светловолосый, в лёгком пиджаке поверх тёмной рубашки. Улыбка – белоснежная, подкупающая. В глазах – внимательность и уверенность.

– Ты не против, если я подсяду? Остальные столики, похоже, уже сдались. – Он кивнул в сторону толпы у стойки.

Ричард кивнул. Что-то в голосе этого человека было тёплым, ироничным. Немного театральным, но не фальшивым.

– Деннис, – протянул руку гость. Рукопожатие – твёрдое, но не доминирующее. – Я обещаю не мешать твоему погружению в пиво.

– Ричард, – ответил он, чуть смутившись.

– Знаешь, здесь всё-таки грех не сыграть. Mortal Kombat ждёт. Один раунд. Проигравший берёт следующий бокал.

Ричард попытался отшутиться, но под натиском лёгкой харизмы всё же встал. У автомата они оказались бок о бок, плечи почти касались, и в гуле шума он уловил лёгкий, дорогой парфюм Денниса – тонкий, но стойкий.

Экран зажёгся яркими цветами. Комментатор выкрикнул имена бойцов: *Shao Kahn… Sub-Zero… Fight!*

Ричард выбрал Sub-Zero – за холодную дистанцию. Пальцы путались, но потом будто нащупали ритм. Он бился сосредоточенно, звуки боя – удары, крики, спецэффекты – сливались с фоном бара. Экран мигнул: победа.

Ричард моргнул, не веря. На миг что-то кольнуло внутри – то ли удивление, то ли растерянность. Деннис стоял с той же полуулыбкой, без следа разочарования. Пожал плечами, отпил пива, будто это и было целью.

Возможно, атаки противника стали чуть медленнее, предсказуемее. Или это просто алкоголь стал действовать. Но пьянел он быстрее, чем замечал подобные детали.

– Реванш? – с той же полуулыбкой спросил Деннис.

Ричард кивнул. Они снова заняли позиции. На этот раз он не помнил, кого выбрал. Всё казалось слегка приглушённым – как через плёнку. Просто лёгкое покачивание и улыбка, которую он сам не заметил.

После двух партий – обе завершились победой Ричарда – они вернулись за столик. Деннис, с улыбкой кивнув, выполнил уговор и заказал ещё по бокалу. Напитки сменяли друг друга. Второй, третий – Ричард уже смеялся над историями Денниса, не замечая, что больше слушает, чем говорит.

– Так ты где работаешь? – спросил Деннис.

– В банке. CityGroup, SOC-инженер.

– Серьёзно? Безопасник? Да ты прямо мой коллега. Я в RedTeam работаю.

– А где?.. – начал Ричард, но локтем задел бокал. Стекло гулко звякнуло о край стола и разлетелось на куски, с хрустом осыпавшись на пол. Остатки пива растеклись по плитке, оставив тёмное пятно. Кто-то охнул, несколько человек обернулись. Шум на мгновение притих.

Появилась официантка – молодая, с кольцом в носу и планшетом в руках. Заметив беспорядок, она на секунду замерла, окинула взглядом пол и, не говоря ни слова, развернулась к стойке. Спустя минуту вернулась снова – уже с ведром, тряпкой и спокойным лицом.

– Всё в порядке? – спросила она, опускаясь рядом с лужей.

Ричард покраснел, не зная, куда деть руки. Деннис встал, придержал ведро и с лёгкостью помог собрать крупные осколки салфеткой.

– Простите моего друга, – сказал он, улыбнувшись, – он просто поражён, насколько вы сегодня очаровательны.

Она фыркнула, но с улыбкой. Убрав остатки, поставила новый бокал – чуть нажала, будто напоминая: «держи крепче».

Деннис подмигнул Ричарду:

– Что я говорил? Женщины любят безопасность – особенно если она в очках и с чувством юмора.

Ричард усмехнулся. Он чувствовал, как растворяется в тепле – будто тяжесть в груди таяла, а мышцы, наконец, позволили себе расслабиться. Гудение в голове стало почти уютным. Пятый бокал оставил лёгкий туман, но настроение было неожиданно светлым. Может, стоило и правда почаще выбираться в люди.

Под конец вечера, когда свет стал глуше, а люди начали расходиться, Деннис встал первым:

– Я на машине. Подкинуть?

– А… да, если нетрудно.

У входа Ричард на мгновение споткнулся о бордюр, Деннис поймал его за локоть.

– Осторожно. Я же не хочу терять своего нового друга в первый же день знакомства.

Ричард только усмехнулся и пошёл к машине. Где-то в груди тлело неясное ощущение – не тревожное, но будто за ним кто-то наблюдает, слегка приподняв бровь. Было непривычно, как легко всё пошло. Необычно… и приятно.

Глава 4. Где тонко

Утро в Нью-Йорке начиналось с гула кондиционеров и сдержанного шума мусоровозов. На Авеню А прохожие двигались вразнобой: кто-то в спортивной одежде, кто-то с кофе навынос, кто-то с усталым лицом и пластиковыми наушниками. У ларьков с бубликами пахло поджаренным тестом и сладким сиропом. У обочины притормозило такси – водитель, не выключая двигатель, громко спорил по телефону.

Ричард шёл по тротуару, держась ближе к стенам зданий. Липкий воздух цеплялся к коже, пыль поднималась от старых вентиляционных решёток. Возле круглосуточной прачечной из приоткрытой двери тянуло влажным паром и стиральным порошком. Кто-то громко выругался на другом конце улицы. От метро дул перегретый воздух. У киоска с прессой девушка листала журнал, не обращая внимания на мир вокруг.

Он не торопился. Отпуск шёл третий день, но не приносил ничего, кроме ощущения пустоты. Он вышел из квартиры просто потому, что не мог там больше находиться. Всё раздражало: тишина, экран, еда. Привычные занятия не спасали. Даже код казался чужим.

Он шёл, потому что стоять было хуже. День начинался, но не предлагал ничего, за что хотелось бы зацепиться.

Телефон завибрировал. Номер не определился, но голос был знакомый:

– Слушай, есть идея. Поехали на пляж? Рокавей-Бич. Я тебя научу стоять на доске.

– Кто это? – Ричард прищурился, пытаясь вспомнить.

– Деннис. Ну, ты что, забыл, как обыграл меня дважды в Mortal Kombat?

– Я плохо плаваю, – наконец ответил Ричард.

– Тем более! Надо срочно исправлять. Утопим страх, выловим удовольствие.

– Ты заедешь?

– Не-а. Я в Бруклине. Но ты справишься – метро, пересадка, час максимум.

– Я не уверен…

– Вот и отлично. Поехали. Я жду. Не тяни.

Связь оборвалась.

Он спустился в метро у Астор-Плейс. Ступени были влажными, скользкими, с плёнкой давно не мытых плиток. Рекламные панели мигали, одна из них застряла на фрейме со слоганом «Live More. Stress Less».

На платформе пахло горячим металлом, потом и старым жиром. Поезд подошёл с лязгом. В вагоне было душно, кондиционер гудел, но толку от него было мало. Подросток играл в шутер без наушников, звук трещал. Кто-то стоял у двери с закрытыми глазами.

Ричард смотрел в своё отражение в затемнённом стекле. Всё казалось не его: ни поездка, ни день, ни пляж. Но он ехал. Просто чтобы хоть чем-нибудь себя занять.

Рокавей-Бич встретил его запахом соли, водорослей и чего-то подгоревшего – возможно, кукурузы с уличной тележки. На дальнем конце пляжа старик расстилал полотенце, возле парапета подростки пинали бутылку. Мимо проехал велосипедист с динамиком, из которого лилась музыка.

Ричард шёл медленно, чувствуя, как песок проваливается под кедами. Ветер тянул одежду, не давал собраться с мыслями. Он не знал, куда девать руки. Смотрел на волны, как на код, в котором нет комментариев.

Сначала он не узнал Денниса. Тот стоял у воды в гидрокостюме, загорелый, уверенный. Двигался легко, как человек, которому не нужно объяснять, зачем он живёт.

– Ты выглядишь, как будто сбежал из офиса, – усмехнулся он. – Снимай эту футболку. Мы пришли сюда жить.

Ричард огляделся. До ближайшего сёрфера было метров двадцать. Линия прибоя шумела в ритме дыхания. Ветер нёс запах кокоса и морской соли. Он стянул футболку, чувствуя себя неуверенно.

Доска была чуть длиннее роста, шершавая на ощупь. Деннис сунул ему шнурок:

– К ноге крепится. Сперва лежим. Потом пробуем встать.

Первые попытки были неудачными. Ричард захлёбывался, терял доску, натирал ступни. Пальцы сводило, на локтях – ссадины. Плечи ломило, солнце жгло. Деннис смеялся, подбадривал, толкал его в волну. Через час они уже катались рядом, смеясь и переговариваясь.

Запыхавшись, они вышли из воды. Прошли босиком по мокрому песку к рюкзаку. Солнце клонилось к горизонту. Ричард сел на полотенце, стряхнул песок и вытянул ноги.

Деннис достал две банки пива и буррито. Один бросил Ричарду.

– С говядиной. Ты вроде мясо ешь?

Ричард кивнул. Буррито был тёплым, банка – прохладной, покрытой испариной. Песок под ними был влажным и прохладным в глубине. Они ели молча. В воздухе ещё пахло морем, но уже тянуло вечерней свежестью.

Ричард ощущал непривычное спокойствие. Впервые за долгое время он чувствовал, что может быть кем-то другим – или собой, но без напряжения.

– А как у вас там в банке? – спросил Деннис. – Сильно боитесь, что кто-нибудь нажмёт не туда?

– Мы боимся всего. Даже кофемашину нельзя трогать без одобрения двух менеджеров, – фыркнул Ричард. – Всё по правилам. Но работать мешает.

Мимо прошла девушка в чёрном купальнике. Деннис проводил её взглядом.

– А если серьёзно? Вот ты – атакующий. Как бы ты себя взломал?

Ричард сделал глоток.

– Начал бы с фишинга от HR. Или письмо от IT с «новой политикой паролей». Один клик – и в системе.

– Дальше?

– VPN, бэкдор, сканер, уязвимый сервер в DMZ – и внутрь. Не ракетостроение.

Слева всплеснулась вода – сёрфер упал. Они оба посмотрели в ту сторону.

– А логи?

– Надеешься, что на тестовом сервере забыли агента. Или корреляция отключена. Никто не любит настраивать SIEM.

– Вуаля. Ты уже почти внутри. Опасный ты тип, Ричард.

– Я просто знаю, где слабо держится. И делаем вид, что система прочнее, чем есть.

– А ты никогда не думал… просто взять и выписать себе премию? – спросил Деннис, глядя мимо него.

– Что?

– Расслабься, я прикалываюсь. Пошли, пока свет не ушёл. Хочу ещё раз прокатиться.

Они встали. Ричард улыбался, но внутри что-то сжалось. Он попытался стряхнуть это ощущение – день был хорошим. Но расслабиться полностью не получалось. Что-то в этом всём оставалось неестественным.

Глава 5. Сброс напряжения

Ричард сидел в своей квартире, не включая свет. Только экран ноутбука отсвечивал синим, выхватывая из темноты его лицо. Новостная лента листалась автоматически – пустые заголовки, чужие события. Он их не читал. Просто наблюдал, как бегут строки. В голове стояла глухая тяжесть, как перед грозой.

Телефон завибрировал. SMS от Денниса: *«Загляни. Вечеринка в разгаре. Форест-Хиллс Гарденс, 78-12 Гринвей. Ждём»*.

Он встал почти не раздумывая – будто уже знал, что сделает это, как только пришло сообщение.

Через час он уже ехал по вечернему Куинсу. Район производил впечатление: аккуратные дома, тихие улицы, ухоженные газоны. Форест-Хиллс Гарденс выглядел как сцена из фильма: витрины с тёплым светом, идеально подстриженные деревья, поливочные машины на парковке. На углу стоял дом Денниса – массивный, трёхэтажный, с панорамными окнами, строгой геометрией фасада и неоновыми светильниками вдоль дорожки. Он выглядел так, будто мог принадлежать только человеку, уверенно распоряжающемуся не только деньгами, но и собой.

У обочины выстроились несколько дорогих автомобилей: BMW, Tesla, тёмно-серый Range Rover. Среди них выделялась чёрная Chevrolet Camaro LT1 – машина Денниса. Ричард узнал её сразу: на днях тот подвозил его из бара. Агрессивные линии кузова, приглушённый блеск лака, тяжёлые матовые диски – машина выглядела так же дерзко и эффектно, как и её владелец. Глядя на неё, у Ричарда внутри что-то кольнуло. Он завидовал, как мальчишка завидует герою с плаката.

Он двинулся к крыльцу. На мгновение замер. В воздухе пахло тёплым летом, распаренным асфальтом и лёгким дымом – сладковатым, липким. Откуда-то тянуло ванилью. Наверное, из окна второго этажа, где горел свет.

Музыка была слышна ещё с улицы: басы били в грудь, стекло в двери дрожало в такт. Он нажал кнопку звонка. Ждал. Безрезультатно. Ещё раз. Снова. Звонок издавал цифровой звук – отрывистый, неестественно высокий.

– Давай же… – пробормотал он и уже собирался нажать снова, когда дверь распахнулась.

На пороге стоял Деннис. Волосы взъерошены, рубашка расстёгнута почти до груди, от него пахло парфюмом и чем-то острым.

– Вот ты где! – Деннис широко улыбнулся и сделал шаг в сторону. – Заходи, брат.

Внутри – жара, свет, ритм. Просторная гостиная с потолками в два уровня, стены тёмно-серые, пол – полированный бетон. На стене работал проектор с абстрактными визуализациями. Лампы под потолком пульсировали в такт музыке. В воздухе висел плотный туман кальяна, перемешанный с запахами алкоголя, тёплой кожи и духов.

Людей было много. Парни и девушки – кто-то в футболках, кто-то в купальниках, кто-то босиком. Одни держали бокалы, другие курили, третьи просто двигались в ритме. Пространство казалось текучим, почти живым.

– Познакомься, – сказал Деннис. – Мэй, Тори, Алекс, Сид. Слушай, ты найдёшь здесь себе кого угодно.

Мэй – с фиолетовыми волосами, узкой улыбкой и кольцом в брови. Тори – рыжая, с веснушками, босиком, в чёрной юбке и прозрачной майке. Алекс – с короткой бородкой, в кожаной куртке. Сид – хрупкий, с андрогинной внешностью и наушниками на шее. Все смотрели на Ричарда с живым интересом, как на новичка, которого стоит прочувствовать.

Он кивнул, пробормотал приветствие. Хотелось отвернуться, исчезнуть. Он чувствовал себя чужим – будто оказался в мире, где не было ни правил, ни границ, только раскованность, в которой Деннис царил безраздельно.

– Расслабься, – сказал Деннис. – Вот, держи. Текила с лаймом. Всё просто.

Ричард взял бокал. Сделал глоток. Жидкость обожгла язык, но помогла разогнать внутреннее напряжение. Он опустился на диван. Обивка была натянутой, слегка скользкой. Смех раздавался отовсюду, кто-то с восторгом выкрикивал тосты, пара человек неуклюже валились на подушки – всё казалось слишком близким.

Музыка оглушала, но не давила – она наполняла комнату и двигалась вместе с людьми.

Деннис чувствовал себя как хозяин вечера: обнимал, целовал, тискал, срывал с плеч рубашки, отпускал фразы вроде: «Не стесняйся – выбирай, вечер только начинается». Он управлял атмосферой легко, уверенно – так, будто всё происходящее было выстроено под него.

Ричард, напротив, сидел с прижатой спиной, избегал взглядов, сжимал бокал, как якорь. Все эти тела, жара, свет, запахи усиливали внутреннюю скованность. Контраст с поведением Денниса лишь усиливал это чувство: привычные рамки исчезли, и ему не на что было опереться.

Сид скрылся в глубине комнаты. Тори подошла ближе, присела на подлокотник:

– Знаешь, в такой компании легко потеряться, – усмехнулась она, поводя взглядом по комнате.

Ричард чуть наклонил голову, неуверенно улыбнувшись.

– Ты сегодня какой-то… другой, – сказала она, всматриваясь в него. – Мне нравится. В тебе что-то меняется.

Он не нашёл слов. Просто откинулся на спинку дивана. Свет расползался по стенам, голоса перемежались с резким смехом. В углу кто-то хлопал по плечу и хохотал, пара парней устроилась прямо на полу среди подушек. Всё плыло. Он отпил ещё. Потом самокрутка, потом ещё один бокал.

Чьи-то руки потянули его вверх – он не сопротивлялся. Сначала просто стоял, потом двинулся. Кто-то обнял его. Девушка с короткими волосами двигалась рядом, прижималась. Рубашка прилипала к спине. Тело слушалось. Он смеялся. Впервые – искренне.

Но алкоголь и ритм уже сдвинули что-то внутри. А потом будто прорвало. Ричард взял новую порцию, сам подошёл к двум девушкам у стойки, сказал что-то, отчего они расхохотались. В танце он начал вести, притягивал, обнимал, гладил по спине, не отводил взгляда. Он чувствовал себя свободным. Не задумывался. Не сдерживался.

Никто не смотрел на него с осуждением – наоборот, кто-то хлопал по плечу, кто-то подмигивал. Он уже не сторонился толпы. Он был в ней. И она принимала его.

***

Громкий стук в дверь.

– Потише! – крик из-за двери. – Люди спят!

На пороге стоял высокий мужчина лет пятидесяти, в спортивных штанах и с ключами в руке. Лоб нахмурен, плечи напряжены.

– Расслабься, Джим, – сказал Деннис с широкой, почти добродушной улыбкой. – Всего пара часов веселья.

– Веселья? В половине первого ночи?! – Джим повысил голос, шагнул ближе. – Вы что, издеваетесь? У меня дети спят!

Но Деннис, не меняясь в лице, лишь слегка наклонился вперёд:

– Мы потише, обещаю. – Он мягко закрыл дверь, не хлопнув, но с финальной уверенностью.

Ричард на мгновение задержался в прихожей.

– Ты уверен, что не будет проблем? – спросил он, понизив голос.

– Да забей, – хмыкнул Деннис. – Пойдём, лучше покажу тебе кое-что особенное.

Они поднялись на второй этаж. Звуки музыки с первого этажа здесь почти не ощущались – будто кто-то плотно прикрыл дверь в другой мир. В комнате царила мягкая тишина с лёг-

ким гулом кондиционера. Кабинет был минималистичным: чёрный стол, кожаное кресло, два монитора. На одном – обои рабочего стола, в углу которых виднелся гном в зелёном колпаке.

У Ричарда против воли всплыли в голове недавние новости – о взломе Daily News, о гноме, демонстрировавшем непристойные жесты и подписью Owned by DwarF. Картинка мелькнула и исчезла. Он отвёл взгляд. Хотел что-то сказать – но в этот момент Деннис уже открыл терминал.

– Смотри в окно, – сказал он. – Сейчас будет шоу.

Ричард подошёл к стеклу. За окном моросил мелкий дождь, капли стекали по стеклу, уличные фонари отражались на мокром асфальте. Улица оставалась почти беззвучной – только редкий звук проезжающей машины нарушал покой. Его отражение расплывалось и дрожало вместе с бликами света.

Он снова взглянул на экран – ssh-сессия уже была активна. Команды следуют одна за другой: предварительное сканирование *nmap*, затем через *sqlmap* извлекаются таблицы. Деннис находит уязвимость в системе управления энергией – старый интерфейс, незащищённая форма входа, SQL-инъекция. Он получает SCADA-доступ и открывает административную панель управления улицей. Работает быстро, без лишних движений – будто по знакомой схеме.

Ричард, наблюдая, понимал каждое действие. Его мозг автоматически интерпретировал команды. SOC-инженер внутри него знал, как это устроено. Но вместе с пониманием пришёл и отклик тела – пальцы вспотели, по коже побежали мурашки. Его начало слегка потрясывать от адреналина, как будто это он сам только что взломал объект.

Деннис не проронил ни слова. В комнате звучали только сухие щелчки клавиш, перемежаемые размеренным гулом кулеров. Он открыл окно с коротким скриптом – , бегло пробежал глазами по коду, внёс правку, проверил ещё раз и нажал Enter.

– Теперь, – сказал он спокойно.

Ричард повернулся к окну. Один фонарь моргнул. Следом – второй. Потом третий. Постепенно вся улица пришла в движение: огни начали пульсировать, мигать, сбоить. Только дом Денниса оставался залит стабильным тёплым светом, как будто находился вне этой системы.

– Это было… – выдохнул он. – Ты как будто переключаешь реальность.

Он отпил ещё пива. В стекле мелькнуло его отражение – улыбка слишком широкая, почти чужая. Моргнул – и всё исчезло. В комнате снова стало тихо – только ровный гул вентиляции и отдалённый шум усилившегося дождя за окном.

Ричард повернулся, поднимая бокал:

– Ты чертовски крут. Это за тебя. И за то, что я здесь.

– За нас, – ответил Деннис.

Глава 6. Блуждающее псевдособытие

Ричард проснулся от сухости во рту и глухого шума за окном. Потолок – серый, с мелкими пятнами – казался особенно безразличным. В этом равнодушии было что-то обидное.

Пахло затхлостью и пивом. Где-то под столом валялись носки. В углу мигал свет от маршрутизатора. Он сел, прикрыл глаза, провёл ладонью по лицу. Щетина. Липкость у виска. На ладони – след от этикетки. Видимо, заснул с бутылкой в руках.

Под ногами что-то хрустнуло. Крошки. На кухне – облупившийся чайник, грязные тарелки, кружка с плесенью. Снятая рубашка скомкана на спинке стула. В ванной – майка с пятном. Кетчуп? Мысль проскользнула и исчезла.

Шкаф: футболки с дырками, потёртые джинсы, куртка с облезшими манжетами. Он провёл рукой по одежде, будто надеясь, что из ворса проступит что-то новое. Не проступило.

В памяти всплыл дом Денниса. Чёрный стол, ровные бокалы, свет от окна. Всё на своих местах. Там он чувствовал себя иначе. Здесь – всё снова схлопнулось.

Он поймал себя на мысли: здесь всё такое, каким он больше не хочет быть.

В зеркале – взъерошенные волосы, серая кожа, круги под глазами. Но взгляд был немного другим. Спокойным. Словно кто-то только что вышел, оставив за собой лицо.

Не бреясь, Ричард надел куртку и вышел.

Магазин находился в десяти минутах. Раньше он считал его «слишком дорогим». Сегодня – просто пошёл.

Сквозь стекло – свет, ровные ряды одежды, неподвижные манекены. Всё чисто, словно выставка порядка.

Внутри – музыка, запах ткани, шелест вешалок. Он замедлил шаг. Взял белую рубашку. Потрогал. Мягкая. Рядом – светлый пиджак.

На мгновение застыл. Что-то между тревогой и ожиданием. Оглянулся – никто не смотрел. Но ощущение, что вот-вот подойдут и скажут: «не вам», не исчезало.

В примерочной он двигался медленно. Сначала просто держал рубашку в руках, вертел её, рассматривал швы. Пару раз подносил к вешалке – и останавливался. Пальцы соскальзывали с ткани, как будто она принадлежала не ему. Потом, немного сжав губы, всё же снял куртку, натянул рубашку. Она села плотно, но не сковывала. Пиджак подчёркивал плечи. В зеркале – прямая спина, чуть приподнятый подбородок. Другое тело. В этом человеке было меньше напряжения.

Он смотрел на себя долго. Ни отстранения, ни отторжения – просто наблюдение. Как будто примерял не одежду, а возможность.

На выходе – молча протянул карту. Забрал пакет. В лифте снова взглянул на отражение. Почти не узнал. Почти улыбнулся.

Квартира встретила тем же запахом. Теперь он резал сильнее. Старую футболку – в корзину. Новую рубашку – на себя. Затем – пиджак.

Ричард сел на край кровати. Ступни упирались в пол. Тишина.

Что-то изменилось. Не радикально – но достаточно, чтобы это ощутить. Казалось, звук стал яснее, очертания – резче, а воздух – легче.

Он выдохнул. Впервые за долгое время – не с усталостью, а с ощущением начала.

***

Рабочее утро следующего дня началось, как обычно: звуковой пропуск, лифт, хрустящий стаканчик кофе из автомата. Серый коридор, стеклянные стены и знакомое гудение серверной. Всё выглядело привычно – те же стены, те же звуки. Но Ричард ощущал: он уже не встраивается в этот ритм полностью.

В зал вошёл не первым – это выбивалось из его обычного распорядка. Раньше он приходил раньше всех, садился у стены, ближе к холодному углу. Теперь – позже, на шаг от прежнего порядка. Рабочие станции уже оживали: экраны наливались светом, логи раскручивались один за другим. Он подключился к сегментам и сделал первый глоток кофе.

– Ух ты, кто к нам пришёл, – услышал он позади.

Лаура стояла у своего места, с приподнятой бровью. Высокая, в строгом, но стильном деловом костюме, на каблуках и с яркой красной помадой – она умела выглядеть безупречно даже в полумраке зала. Зелёные глаза цепко скользнули по нему сверху вниз.

За ней в монитор заглядывал Омар, лениво потягиваясь. Высокий, темнокожий, плотный, в расстёгнутой яркой рубашке поверх футболки, с щетиной и лёгким запахом ментола – он выглядел как человек, которому всё давно понятно, и это его не особо тревожит.

– Ричард, это ты? – уточнил он, расплываясь в полуулыбке. – Или у нас новый начальник?

Ричард кивнул коротко, без лишних комментариев. Взгляды ощутил сразу. Рубашка, пиджак, уложенные волосы – всё это ощущалось внешним, примеренной маской, к которой он ещё не привык.

Постарался вести себя спокойно. Движения оказались чуть резче, речь – чуть увереннее. Слова подбирались с осторожностью, будто балансировал на краю – ещё немного, и маска съедет. Остановиться казалось опаснее, чем продолжать.

Лаура подошла ближе. В её тоне не было насмешки – скорее любопытство и лёгкое одобрение.

– Ты изменился. Это… к лучшему, – сказала она, чуть наклонив голову. – Что-то случилось во время отпуска?

Ричард покачал головой. На лице – спокойствие, натянутое, как кожа на барабане. Взгляд на секунду сбился. Плечи едва заметно дёрнулись, как будто от холода. Глаза чуть было не опустились, но он удержался. Рука сама собой скользнула к вороту рубашки – поправить, занять, спрятаться.

– Просто решил сменить обстановку, – тихо сказал он, не поднимая взгляда выше её подбородка.

Лаура, казалось, ждала продолжения. Он кивнул в сторону экрана, как бы извиняясь, и сосредоточенно уткнулся в консоль. Пальцы поначалу двигались чуть неуверенно, но с каждым нажатием возвращалась знакомая механика.

Она задержалась у его стола. Он не заметил.

***

Сообщение появилось внезапно – на фоне общего гудения и рутинного движения логов.

ALERT. Unauthorized access. PCI-DSS segment. Investigate immediately.

Лаура вскинула голову и первой щёлкнула по уведомлению.

– Ну вот, начинается, – пробормотала она и прикусила губу.

Ричард поднял взгляд. Она бросила в его сторону короткий жест – пальцем у экрана: «Смотри, мол». Тон был рабочий, но в нём читалось приглашение. Или предлог.

Он подошёл. Логи уже крутились на экране. Лаура отступила на шаг, уступая место, но осталась рядом – слишком близко, чтобы не чувствовать запаха духов.

Внимание сфокусировалось. Он прокручивал записи – временны́е метки, IP-адреса, идентификаторы процессов. Ничего необычного: типичный рабочий трафик в пределах офисного диапазона. Но чуть дальше – странная последовательность:

2025-06-24T09:12:44Z login accepted user=svc-build src_ip=10.13.58.104 method=token
2025-06-24T09:12:44Z vault_get path=/secrets/ci/ status=success

2025-06-24T09:12:45Z conn_open dst_ip=10.0.5.13 dst_port=8443 proto=tcp service=internal-api

Он замер. Что-то мелькнуло на границе видимости. Быстро пролистал вверх – пусто. Опять вниз – в одной из строк будто бы отобразилось *tag=dwarf*, но это был не пользователь, а, возможно, просто тег. Или показалось.

Резкая боль кольнула в висок. Он моргнул. Посмотрел снова – никакого *dwarf*. Только стандартные ключи, регулярные шаблоны, как по учебнику.

Он прищурился. Протёр глаза. Снова взглянул – всё ровно, без изъяна. Даже скучно. Как будто кто-то успел стереть след до того, как он взглянул снова.

– Всё в порядке? – спросила Лаура, глядя на него в упор.

Он кивнул, но пальцы слегка дрожали.

– Что, не поделили лог? – раздался за спиной Омар. Он подошёл с кружкой кофе и устроился сбоку, слегка наклонившись над столом Лауры, чтобы заглянуть в её монитор.

Ричард шагнул в сторону, Лаура чуть отступила. Пространство восстановилось.

– Дайте посмотреть, – сказал Омар и склонился ближе. – Карточный сегмент, ага… и опять этот порт. Видели уже сегодня утром, у команды из Чикаго была такая же байда. Пролетает пакет, но без тела. Как призрак. Чисто, но тревожно.

2025-06-24T09:13:12Z conn_attempt src_ip=172.22.18.77 dst_ip=10.0.5.17 dst_port=443 proto=tcp status=success
2025-06-24T09:13:12Z tls_handshake established cipher=TLS_AES_256_GCM_SHA384
2025-06-24T09:13:13Z app_probe path=/admin/login status=403 response_size=0
2025-06-24T09:13:13Z conn_closed duration=0.2s sent_bytes=0 recv_bytes=0

– Вот. Смотри – соединение успешно, TLS поднимается, но данных – ноль. Ни тела, ни заголовков. Как будто кто-то просто проверяет пульс, не отправляя сигнала.

– Фантом? – уточнил Ричард.

Омар кивнул:

– Да. Мы их уже называем «блуждающие псевдособытия». Логика их видит, корреляция – нет. Пульс системы чувствует шорох, а мозг говорит: «показалось».

Лаура усмехнулась:

– Красиво сказал.

– Так и живём, – ответил Омар, отхлебнув кофе. – Предлагаю параметры чувствительности на этом участке чуть ослабить. Не фильтр, а вес в приоритизации. А то с ума сойдём.

Ричард молча кивнул. Он всё ещё не мог забыть слово, которого вроде бы и не было.

– Всё ок? – спросил Омар, посмотрев на него внимательнее.

– Угу. Просто думаю.

Лаура глянула на него сбоку и, чуть улыбнувшись, осталась у своего монитора.

– Ну-ну, начальник растёт, – бросил Омар, не глядя, и направился к себе.

Щелчки клавиш и ровный гул охлаждения снова заполнили пространство.

Ричард не ответил. Просто опустился в своё кресло и снова сосредоточился на экранах – как будто всё было по-прежнему. Но ощущение сдвига не уходило.

***

Вечер подкрался незаметно. Мониторы остались включёнными, но за окнами темнело, и в помещении ощущалась усталость: не физическая, а оседающая в дыхании.

Коллеги с его смены разошлись. Кто-то попрощался вскользь, кто-то просто встал и ушёл. Омар ушёл последним, оставив после себя запах кофе и лёгкий гул оборудования. Новая смена

уже начала собираться у дальних стоек, но никто не подходил. Ричард остался в стороне, не замеченный, ненужный – и от этого ещё более одинокий.

Он запустил повторный анализ вручную. Логи – те же. Ни *dwarf*, ни аномалий. Всё ровно, без сбоев. Тишина, в которой что-то пряталось. Или, казалось.

Пальцы зависли над клавиатурой. В голове будто щёлкнул переключатель – и вместо сухой цифровой строки возник образ: мультяшный гном в зелёном колпаке из утренних новостей про взлом Daily News. Монитор в доме Денниса.

Он вспомнил, как читал логи. Как мелькнул тег. *tag=dwarf*. Не факт, что он вообще был. Может, ошибка зрения. Или что-то хуже. Всё это – слишком странно. Совпадения? Или связи?

Что, если дело в Деннисе? Или в нём самом?

Он опустил руки. Неуверенность начала расползаться – в мышцах, в горле, в голосе, которого никто не слышал.

Он вспомнил, как сегодня утром выбирал рубашку. Как застёгивал пуговицы у зеркала. Смотрел на себя, не узнавая. Хотел быть кем-то другим. Стать им.

Но сейчас – всё снова съехало. Движения стали прежними, одежда – чужая. Жесты, которые утром казались уверенными, теперь выглядели нарочито прямыми.

Это не он. Не его жизнь. Не его походка, голос, реакция.

И с этой мыслью Ричард остался один – не физически, но внутренне. В полутёмном зале SOC-центра банка CityGroup, где за дальними стойками уже работала новая смена, он сидел у своего монитора, отгороженный не стенами, а тишиной. Среди строк, в которых – как он всё сильнее чувствовал – что-то было.

Или не было вовсе.

Глава 7. Ты всегда разный

Ричард приехал к Омару один, несмотря на то, что изначально планировал провести вечер дома за экраном компьютера, но в последний момент всё же решил выбраться – с бутылкой дорогого бурбона. На улицах уже стемнело, и на крыльце стояла пара сотрудников – кто-то из ребят с первой смены, с кем он почти не разговаривал раньше. Один из них – Дейв – с удивлением приподнял бровь, заметив его, но тут же коротко кивнул: приветствие принято.

На пороге – Омар. Повод был весомый: день рождения, который он традиционно отмечал у себя дома в кругу коллег. В джинсах и пёстрой гавайской рубашке, он держал в руке пластиковый стакан и громко смеялся, объясняя что-то Анне Ли. Когда увидел Ричарда, на секунду замолчал, будто не поверил. Потом выдохнул через нос, расплылся в улыбке.

– Вот это гость! – сказал он и хлопнул Ричарда по плечу. – Заходи, брат. Ты меня удивил. Давай сюда свой трофей.

Ричард передал бурбон. Рука Омара тут же подкинула его вверх, как баскетбольный мяч.

– Хороший вкус. Лаура будет довольна.

Омар засмеялся и провёл Ричарда внутрь.

Дом был не новый, но ухоженный. На стенах – постеры старых фильмов и комиксов, в углу стояла гитара, рядом – стопка винилов. Кухня была открытая, с барной стойкой, на которой уже копились стаканы и тарелки.

Внутри уже было человек десять. Музыка играла негромко, на фоне – фанковый плейлист. На столе: чипсы, пицца, бутылки с пивом, красный пластик.

Анна Ли оглядела его с ног до головы и, не удержавшись, усмехнулась.

– Апгрейд прошёл успешно, – заметила она. – Осталось только прошивку обновить.

Он был в тёмных джинсах и светлой рубашке, поверх – серый пиджак. Волосы аккуратно уложены, подбородок выбрит, запах свежего парфюма. Это был уже не тот офисный Ричард, к которому все привыкли. В нём было что-то новое – собранность, уверенность, даже лёгкая игра на публику.

Лаура, сидевшая на подлокотнике дивана, подняла голову и застыла, увидев Ричарда. Её глаза слегка округлились, потом губы разошлись в полуулыбке.

– Кто бы мог подумать, – протянула она. – Ричард, ты?.. Ты отлично выглядишь.

Джейсон махнул ему с кухни, держа в руках большую миску с начос.

– Эй! А я думал, ты вообще не ходишь на тусовки.

– Обычно не хожу, – коротко ответил Ричард.

Голоса, запахи еды, лёгкий алкогольный шум – всё было немного размытым, как через стекло с каплями дождя. Он чувствовал: за ним наблюдают. С интересом, но без насмешки.

Он двигался дальше, стараясь не терять равновесие в этом новом для себя ритме. Музыка, разговоры, запах пиццы и парфюма – всё сливалось в один поток.

Он слышал свой голос, отвечающий шуткой, и не узнавал интонации. Пиджак чуть натирал подмышками, шаги по ковру были мягкими, но осторожными – как будто ноги ещё не привыкли к новому телу.

Он подхватил пластиковый стакан с барной стойки и двинулся в сторону группы у окна – туда, где звучал смех.

Ричард подошёл к группе, где стояли Джейсон, Лаура, Хавьер из аналитики и Сара из отдела реагирования. На столе между ними лежали разлитые по стаканам напитки и большая коробка с крылышками.

– Надо же, ты в пиджаке, – сказал Джейсон, не скрывая восхищения. – Это ты на праздник так или… что-то изменилось?

Ричард пожал плечами, отпил глоток и ответил:

– Решил больше не прятаться за фоном.

Лаура усмехнулась:

– А зря. Я к этим стенам привыкла. Они были… предсказуемые.

Один из ребят с серьёзным лицом поднял стакан:

– За Омара! Чтобы и дальше был начальником только неформальных мероприятий.

– И чтобы по пятницам было три пиццы, а не две, – добавила Анна Ли, появляясь сбоку с тарелкой в руке.

– Анна, у тебя где-то есть кнопка «сарказм выключить»? – спросил Джейсон, разливая пиво.

– Есть, но только по субботам, – отрезала она. – Сегодня пятница.

Смех. Кто-то хлопнул Омара по плечу, кто-то поднял второй тост:

– И чтобы дедлайны больше никогда не попадали на понедельник!

Ричард стоял среди них и впервые за долгое время чувствовал себя не фоном, а участником. Он не пытался подбирать фразы, не оглядывался, не ждал подвоха. Просто был в потоке – и этого оказалось достаточно.

Кто-то рассказывал историю о том, как в два часа ночи по ошибке перезагрузил прод – думал, что сидит на тестовом стенде. Кто-то вспоминал выездной тренинг и неловкий случай с грушей для отработки приёмов. Лаура смеялась так, что пришлось придерживать стакан.

Ричард слушал, комментировал, вставлял фразы. Иногда – остро. И это замечали. Он удивлялся, насколько легко шло общение, когда не думаешь, как звучишь.

– Ты как будто стал другим, – сказала Лаура вполголоса, склонившись к нему ближе.

Он не ответил сразу. Просто посмотрел на неё – в упор, спокойно. И кивнул.

***

Они оказались вдвоём на кухне. Свет над плитой отбрасывал мягкое жёлтое пятно на тёмную столешницу. Сквозь приоткрытую дверь доносился приглушённый смех, но здесь всё казалось тише, ближе к реальности. Лаура стояла рядом, её плечо почти касалось его руки. Она повернулась, посмотрела внимательно – не с игрой, а серьёзно. Затем шагнула ближе и поцеловала.

Ричард не успел подумать. Ответил. Губы соприкоснулись сначала легко, как проверка, потом – увереннее. Он чувствовал запах её духов, тепло кожи сквозь ткань, как её рука коснулась его груди. Его дыхание стало глубже, движения – менее сдержанными. Он взял её за руку и, не разрывая взгляда, повёл через коридор.

Комната была без света. Через жалюзи падали полосы уличного фонаря, рассеянные и мягкие. Закрыв за собой дверь, он снял пиджак, бросил его на спинку стула и шагнул к ней. Двигался точно, резко. Схватил край её блузки и рванул вверх, расстёгивая пуговицы одним движением. Лаура не отпрянула – наоборот, улыбнулась уголком губ, будто этого и ждала. Она впилась в него поцелуем, её руки сжались у него на плечах.

Ричард прижал её к себе. Рубашка прилипала к спине, дыхание стало хриплым. Поцелуй снова объединил их – в нём было меньше осторожности, больше голода. Её кожа была тёплой и гладкой под его ладонями. Она гладила его по шее, плечам, скользя пальцами по открытым участкам. Он расстегнул рубашку – торопливо, с напряжением в пальцах, будто боялся замедлиться.

И вдруг – как обрыв тока. Секунда – и всё обрушилось. Как будто сцена перестала быть его. Ричард смотрел на её лицо – раскрасневшееся, живое – и не понимал, что он здесь делает. Словно начал не он.

Он резко отстранился. Поднял руки, как в защите, спиной наткнулся на стол.

– Стоп.

Лаура застыла. Её руки так и остались в воздухе, прижатые к лифчику, который она уже собиралась скинуть с себя. В комнате стало ощутимо тише.

– Прости, – выдохнул он. – Мне… я не могу.

Он наклонился, поднял пиджак, натянул рукава. Воздух казался спёртым. Открыл дверь, шагнул в коридор. Музыка зазвучала громче, но звучала глухо, как под водой.

Ричард вышел на улицу через боковую дверь. Холодный воздух ударил в лицо. Он шёл, не разбирая дороги, сквозь влажный свет фонарей. Только подальше – от комнаты, от Лауры, от себя самого.

***

Ричард лежал на кровати у себя дома, не раздеваясь. Пиджак оставался на нём, рубашка наполовину выбилась из джинсов, ботинки стояли на полу возле кровати. Свет в комнате отсутствовал – лишь мутный жёлтый отсвет фонарей просачивался сквозь щели старых штор и дрожал на потолке. Тишина казалась неестественной, будто кто-то вырезал из воздуха звук.

Он слышал своё дыхание. Глухое, тяжёлое сердцебиение отдавалось внутри, как будто внутри груди что-то раскачивалось на тросах. Каждый вдох давался усилием, словно воздух стал гуще. Грудная клетка – стянутая, тугая. Он не шевелился.

Перед глазами всплывали лица. Фразы.

«Ты как будто стал другим…» – Лаура. Шёпот рядом, почти касаясь уха.

«Ты сегодня какой-то… другой». Тори. Тогда, на вечеринке у Денниса. Он видел её впервые – или казалось, что впервые. Возможно, встречал раньше? Может быть, не придавал значения. Но голос – звонкий, с тенью сомнения – звучал так, будто он уже его слышал. Во сне, в другом времени, в другой голове.

Он сжал веки, как будто это могло оттолкнуть навязчивость. Но она только сгущалась. Слова сливались в ритм: *другой, другой, другой…*

– Кто? – прошептал он в темноте. – Кто другой?

Пульс ушёл в шею. Там, под кожей, жил ещё один ритм. Он лежал, вслушивался, не понимая – это он сам или кто-то ещё в комнате. Ощущение чужого не было телесным – оно сидело внутри, как незваный сосед. Словно он делил голову с кем-то.

Он не спал. Но и не бодрствовал. Промежуточное состояние. Лёгкое покалывание в пальцах, будто тело переставало принадлежать. Внутри – не страх, не паника. Просто пустота. Плавная, вязкая, в которую всё проваливалось без следа.

Он закрыл глаза. И замер. Давление в груди не ослабевало. Оно было с ним – как чьё-то внимание, как ожидание ответа.

Сознание унеслось куда-то далеко, за пределы комнаты, назад – туда, где пахло уходящей любовью и чужими шагами. Вечер. Комната. Светофор за окном. Милана уходит.

***

Вечер. В комнате полумрак. Уличный свет едва пробивается сквозь стекло, дрожит на полу, будто сам не решается войти. За окном с равными интервалами мигает жёлтый сигнал светофора, вырезая на стенах тусклые пятна. Окно распахнуто, и с прохладным воздухом в комнату проникает шум города: шорох шин, далёкий автобус, ровный гул.

Милана ходит по комнате, собирая вещи. Медленно, будто всё уже решено, и спешить некуда. Её шаги глухо звучат по полу, и каждый из них отзывается в голове Ричарда. Она складывает одежду в сумку, идёт к комоду, берёт косметичку, зарядку, пару мелочей. Действует машинально. Не смотрит на него.

Ричард стоит у стены, прижавшись спиной к обоям. Руки опущены, пальцы вяло сжаты. Он бледен. В глазах – беспомощность, почти детская, и страх, которому трудно найти слова.

– Мил, пожалуйста… давай просто остановим это. Я не понимаю, что со мной, но я не хочу тебя терять, – его голос дрожит, почти срывается на шёпот.

Она не отвечает сразу. Подходит к окну, придерживает раму от сквозняка. Потом оборачивается.

– Именно в этом и проблема, Ричард. Ты никогда ничего не понимаешь – а я устала быть рядом с человеком, который всё время разный.

– Но я стараюсь. Я, правда… я не знаю, почему так выходит, но я…

– …не знаешь, кто ты, – перебивает она. Голос спокойный, усталый. Без злости. – А я не могу жить с тем, кто не знает, кем он является.

Она застёгивает молнию сумки. Надевает куртку. Проходит мимо него – на секунду останавливается, смотрит в глаза.

– Я так больше не могу. Ты всегда разный. Но я так и не знаю, кто ты на самом деле.

Дверь закрывается мягко. Ричард остаётся один. Он не двигается. Смотрит в точку, где она стояла всего мгновение назад. Будто сжался внутрь себя, как если бы тело стало ненужным. Осталась только пустота – вокруг и внутри.

За стеклом по-прежнему мигает светофор, вырезая на стене равномерные прямоугольники света и тени.

Воспоминание тускнеет. Сознание уносится ещё дальше – к дате, которую он забыл.

***

Ричард вернулся домой поздно. Милана сидела на диване в спортивных штанах и свитшоте, с чашкой чая в руках. Волосы были стянуты в хвост. На столе стояла запеканка под фольгой – уже остывшая.

– Ты был где-то? – спросила она, не поднимая взгляда.

Он остановился в дверях, снял кроссовки, повесил куртку. Насторожился. В её голосе было что-то новое – сдержанное, но тяжёлое.

– На работе. Что случилось?

Милана отставила чашку и подошла к окну.

– У тебя всё в порядке?

– Вроде бы да. Почему ты спрашиваешь?

– Сегодня двадцать восьмое. – Она развернулась. – Ты вообще помнишь, что это?

Он опустил взгляд. Перебрал в уме: календарь – пустой, телефон – без напоминаний. В голове – ни одной зацепки.

– Я… не знаю. Должен?

Она выдохнула через нос. Тихо, но затяжно. Вернулась к столу, приподняла фольгу.

– Это день, когда мы впервые увиделись. Каждый год ты хотя бы писал.

Ричард подошёл и сел рядом. Стол был накрыт. Две тарелки, свеча, спички сбоку. Всё было подготовлено. Ждало его.

– Прости, – пробормотал он. – Я не хотел…

– Я знаю, – перебила она. – В этом и дело. Ты ничего не хочешь. Или не можешь. Я не понимаю.

Он смотрел на еду. Пахло сыром и специями. Он помнил, что это её любимое. Но не чувствовал ни голода, ни вины. Только растерянность.

– Я стараюсь, – сказал он тихо.

– А я просто хотела, чтобы ты помнил. Хотя бы это.

Милана не плакала. Но в её голосе и осанке чувствовалась усталость. Не вспышка, а след от чего-то долгого. Ричард не знал, что сказать. Не знал, что делать.

Молчание повисло между ними. Он не встал за вилкой. Она не предложила. Они сидели рядом, не глядя друг на друга. Как будто уже понимали: эта сцена останется в памяти. А потом – исчезнет.

Как дата, которую он не удержал.

Мысли понеслись ещё дальше – ко времени, когда у них всё было хорошо.

***

Они сидели на открытой веранде кафе Think Coffee, в двух кварталах от кампуса NYU. Было тепло, по плитке катились велосипедисты. За спиной негромко играл джаз. На столе – паста, минеральная вода, кофе. У Миланы – мороженое в металлической вазочке.

– …и я перепутал IP-адрес и случайно вырубил внутреннюю страницу деканата, – рассказывал Ричард. – Причём прямо перед приёмной комиссией. Пришлось говорить, что это плановая перезагрузка ядра.

Милана рассмеялась. По-настоящему, свободно.

– Ты серьёзно? – она покачала головой. – И это сработало?

– Даже никто не удивился. Видимо, у них так всегда.

Она облокотилась на стол, чуть наклонившись к нему.

– Когда ты такой, я забываю, что ты бываешь другим. Мрачным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.